

## *Сергей ПОПОВ*

### МАМА

#### *околонаучные записки*

*Науки юношей питают  
Отраду старым подают...  
М. Л.*

Это были странные звуки. Соотнести их с чем-то из алфавита можно лишь с большой натяжкой. Какие при этом годятся буквы? М, б, е, х... Прямо скажем, не самые пасторальные слова мгновенно вспоминаются при этом... Но братья наши меньшие слов не ведают. От лексических цепей они свободны. А от самых что ни на есть физических – увы... В старом деревянном виварии медицинского института это было явлено во плоти.

Барана звали Яшка. Он жил в ошейнике и на цепи. И был очень разговорчив – говорил «бе» при каждом к нему приближении. «Как правило, овцы не блеют от боли, но блеют, оказавшись в изоляции». Где это я вычитал? У Брэма, что ли?.. И разве баран – это овца?..

Среди кроликов, белых мышей и морских свинок Яшка смотрелся величественно.

...стремительные облака морозного пара заполнили прихожую. Запахи хвои, снега, вымокшей шерсти вне всякого сомнения были обещанием праздника. И я закрыл глаза в надежде увидеть потом чудо... Отец и мама вернулись из лыжного похода на Пионерскую горку и принесли мне огромную сосновую ветку. Они смеялись, тормозили меня, рассказывали о забавных падениях... Для меня мама – это лыжный восторг.

Моя мама была микробиологом. Аспиранткой она ездила в Москву, в Институт усовершенствования врачей, к знаменитой Ермольевой, создательнице отечественного пенициллина. Она рассказывала о Михаиле Ивановиче Штутцере, который на заре карьеры стажировался у Роберта Коха в Берлине. О палочках Коха я кое-что уже слышал... А потом он организовал в нашем городе бактериологический институт. А потом его перевели в Полтаву, в Киев... А потом он сгинул.

Игорь Иванович Степанов, гурман и сибарит, заходя на кафедру, церемонно кланялся дамам, степенно усаживался за свой стол и как бы между прочим рассказывал анекдот с той долей перца, которая обеспечивала неизменный успех у аудитории. Он был сыном профессора Степанова-Григорьева, одного из отцов-основателей здешней микробиологической школы. За это великовозрастному отпрыску классика жанра традиционно прощались необоримое лентяйство и светский алкоголизм. На общих празднованиях «красных дней календаря» вместе с мужем одной из кафедральных преподавательниц он отбывал из-за стола на кухню, и уж там дозы и приличия были иными...

Кроликов, отработавших своё на опытах, старшая лаборантка кафедры прекрасно готовила

---

Сергей Попов родился в 1962 году. Окончил Воронежский медицинский институт и Литературный институт им. А.М. Горького. Печатался в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Звезда», «Новый журнал», «Интерпоэзия», «Арион», «Новая юность», «Новый берег», «Воздух» и др. Автор многих книг стихов и прозы, в том числе «Крылья над крышами. Избранная проза» (Воронеж, 2021), «Вся печаль. Книга стихов» (М., 2021). Предыдущая публикация в «Волге» – стихи (2023, № 9-10). Живет в Воронеже.

в автоклаве. Говорили, что это кулинарный шедевр. Все собирались за общим столом, шутили, спорили, обсуждали перспективы...

Автоклавные кролики всех объединили лучше любых корпоративов. Впрочем, слова такого тогда, по-моему, и не было...

Огромный, двухметровый и stodвадцатикилограммовый, Игорь Иванович легко вплывал в открытую на ночь форточку, приобретал прежние формы, усаживался в кресло, и рассказывал, рассказывал, рассказывал...

– Тебе, наверное, матушка говорила, что я целых два года трудился на Кубе. Помнишь, такая братская страна была? Предотвращал эпидемии всякие... Там антисанитария была жуткая!.. Местные только танцевать да трахаться горазды. А чтоб работать – дураков нет... И то правда, что там и не заработаешь ни черта – гроши платят. Даже грошами это не назовёшь – слёзы...А зачем плакать? И потому все смеются и радуются жизни. И деньги тут не при делах...

Твоя мама была замечательной! Я ей любовался. И если бы не знал хорошо твоего отца, наверняка приударил бы за нею... Но этика прежде всего! Ведь меня женщины любили... Ах, как меня любили женщины!..

Игорь Иванович зажмурился и блаженно разувался.

– Она как-то сказала, что первое, о чём ты её попросил, было купить попугая... Понятно, что никто эту просьбу выполнять не собирался. Но ты упрямылся и бубнил своё изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц...

Так вот, когда я уже собрался возвращаться с вотчины Фиделя восояси, меня спросили, что подарить на память. И я ответил: «Двух попугаев». Мне и тебе. И ведь подарили...

Нас долго держали в аэропорту в Гаване. Я как помешанный носился с двумя клетками, потому как птицы друг другу не симпатизировали... Потом был шмон, потом долгая посадка. Потом полёт, который, казалось, длился целую вечность... В Шереметьево нас тоже долго муржили... Требовали какие-то документы от ветслужбы... И мы долгие часы ждали в ледяном предбаннике. А когда всё решилось, оказалось, что один из попугаев приказал долго жить... А второго, каюсь, я оставил себе. И когда я приходил с каких-нибудь посиделок, он вопрошал: «Игорь, почему так поздно?» Не знаю уж, кто его научил... А вскоре и все стали попугаями.

Понимаешь, друг мой, мы боролись с эпидемиями. А нынче эпидемии борются с нами. Понятно, что у кого стратегическая инициатива, тот и потенциальный победитель... Но не будем о грустном, не будем... Есть масса прекрасных в этом мире вещей. Вино, кролик печёный со свеклой, умопомрачительные женщины... Надо просто уметь это ценить. А это уметь не просто...

– Зинаида Виссарионовна пригласила всех стажёров на свой день рождения. Как сейчас помню небольшой зал с эстрадой и роялем, её бывшего мужа вирусолога Льва Зильбера и его родного брата Вениамина Каверина. В 1936 году Зильбер добился создания Центральной вирусной лаборатории при Наркомздраве РСФСР и открытия отдела вирусологии в Институте микробиологии АН СССР.

В 1937 году руководил дальневосточной экспедицией Наркомздрава СССР по изучению неизвестного инфекционного заболевания центральной нервной системы. В ходе работы экспедиции была выяснена природа заболевания – клещевого энцефалита – и предложены методы борьбы с ним.

Сразу по возвращении был арестован по доносам о попытке заражения Москвы энцефалитом и сокрытии факта заноса энцефалита в СССР японскими диверсантами. В июне 1939 года был освобожден. Тогда же стал заведующим отделом вирусологии в Центральном Институте эпидемиологии и микробиологии Наркомздрава СССР, которым руководил до своей смерти в 1966 году с перерывом на время третьего ареста.

В 1940 году Зильбер был арестован в третий раз. Находясь в заключении, Зильбер часть срока отбывал в лагерях на Печоре, где в условиях тундры из ягеля получил дрожжевой препарат про-

тив пеллагры и спас жизнь сотням заключённых, погибавших от полного авитаминоза. Получено авторское свидетельство на изобретение. Свидетельство было записано на имя «НКВД». Отвечал отказом на неоднократные предложения работать над бактериологическим оружием. Вспомнив об умении Зильбера получать спирт из ягеля, начальство направило его в химическую шарашку, где он начал исследования рака. За махорку заключённые ловили Зильберу мышей и крыс для экспериментов. В ходе исследований сформулировал новую концепцию происхождения раковых опухолей. В своем первоначальном виде она базировалась на двух основных положениях: опухоли имеют вирусное происхождение, но вирус выполняет лишь иницилирующую функцию в опухолевом процессе.

В марте 1944 года, накануне пятидесятилетия Зильбера, его освободили благодаря письму о невиновности учёного, направленному на имя Сталина и подписанному Главным хирургом Красной Армии Николаем Бурденко, вице-президентом АН СССР Леоном Орбели, академиком Николаем Гамалеей, биохимиком Владимиром Энгельгардтом и Зинаидой Ермольевой. А как она уже после развода хлопотала, чтобы Зильбера освободили! Хотя тогдашний ее муж как раз в это время сидел... Двенадцатого февраля 1938 года Алексей Захаров был арестован, а уже девятого марта подписал показания, в которых сознался, что «вместе с проф. О.О. Гартохом создал контрреволюционную организацию с целью убийства Вождя и Друга человечества И.В. Сталина, шпионажа в пользу фашистской Германии, диверсионной работы в виде заражения в случае войны источников водоснабжения и вредительства на фронте борьбы с эпидемиями».

Он признался, что состоит в боевой группе под руководством агента фашистской разведки О.О. Гартоха, готовившей убийство членов советского правительства.

Это только потом она узнала, что его к тому времени уже расстреляли.... Это была настоящая новочеркасская казачка – резкая, сильная, решительная... Сталинскую премию за пенициллин она отдала на строительство самолёта. На его борту так и было написано «Зинаида Ермольева». Что ценно в этих людях – они не давали ощутить никакой дистанции, общались на равных, подбадривали... На рояле играл сам Рихтер. И это не выглядело чем-то из ряда вон выходящим... Она предлагала мне поработать в её лаборатории, но у меня уже родился ты...

Игорь Иванович Степанов привычно вплыл в открытую форточку, оформился в кресле и принялся рассуждать.

– Все мы загнёмся от эпидемии. Не этой, так другой. Не от другой, так от следующей... А по-другому быть не может. Люди, которые могли им противостоять, истреблены. А все эти вакцины, сделанные за две недели – просто смех и грех... Но ты не переживай: от чего-то нужно умирать...

– Вам легко, – отвечал я. – Вы уже умерли.

– Не возьмусь сказать, кому легче. Везде не сахар... Тем более, здесь столько коллег! Но они, увы, вне игры. Первый раз Оскар Оскарович был арестован 13 августа 1930 года. Тогда ОГПУ возглавлял – пока ещё в ранге зампреда – Ягода, и при осуществлении следственных действий до некоторой степени соблюдалась видимость законности. Через два с половиной месяца за отсутствием состава преступления О.О. Гартох был освобожден и вернулся к своим обязанностям. Возможно, свою роль сыграли его знаменитые поручители: академик И.П. Павлов, известный французский писатель, нобелевский лауреат Ромен Роллан и писатель Максим Горький. Можно с большой долей вероятности предположить, что именно Ромен Роллан, поддерживавший близкие отношения с семьёй Гартох, обратился за помощью к Максиму Горькому, бывшему, к тому же, близким другом Ягоды.

Я хорошо помню свою последнюю встречу с Яшкой. Он смотрел круглыми, полными вселенской тоски глазами и молчал. Как будто понимал, что науке потребовалась его жизнь. Он, собственно, и вёл здешнюю жизнь для того, чтобы однажды с ней безропотно расстаться...

В последний раз О.О. Гартох был взят под стражу 31 мая 1941 года, когда до начала Великой Отечественной войны оставалось всего три недели. При приближении фронта к Ленинграду многие заключенные следственного изолятора были эвакуированы. О.О. Гартоху не повезло. Его этапировали в Саратов – место компактного проживания этнических немцев Поволжья. В конце августа 1941 года Верховным Советом СССР было принято решение об их депортации. В этих условиях к тем из них, кто находился под следствием, чаще всего стали применяться расстрельные статьи.

«...Из числа агентов германской разведки, связанных с Цейссом, НКВД СССР арестован профессор-микробиолог, немец Гартох О.О., который 4 октября 1941 г. показал, что во время пребывания в Германии он в 1923 г. был завербован разведкой, а с 1925 г. по заданиям Цейсса вел шпионскую и вредительскую работу в области микробиологии.

Гартох О.О. принимал активное участие в создании антисоветской организации среди микробиологов. Практическая подрывная работа этой организации состояла в выпуске недоброкачественных бактериологических препаратов (вакцин, сывороток) и в разработке наиболее эффективных методов проведения бактериологических диверсий в момент войны Германии против СССР».

О.О. Гартох содержался в саратовской тюрьме № 1. Где-то в одной из соседних камер находился академик Николай Иванович Вавилов. Приговоренный в июле 1941 года к высшей мере наказания, он умер здесь в камере смертников от полного истощения через полтора года – 23 января 1943 года. Что касается О.О. Гартоха, то и его 28 ноября 1941 года приговорили к смертной казни. Последний месяц своей жизни он провел в одной камере с Н.И. Вавиловым. Оскара Оскаровича расстреляли 30 января 1942 года – ровно за год до смерти Николая Ивановича, который оказался последним, кто пожал ему руку.

На дворе стояли шестидесятые. В чести были барды, лыжные прогулки, вечерние посиделки на кухнях. Снег искрился, ветер бодрил, хвоя кружила голову. Взлетал Гагарин, поворачивали вспять реки, с великими трудами доставали плащи-болоньи. И думалось, что только так и можно, и нужно жить.

Игорь Иванович Степанов явился как всегда.

– Я подумал, я всю жизнь занимался чёрт знает чем... Ни микробиология, ни вирусология к эпидемиям отношения не имеют....

– Это что-то новое, – ответил я. – А в небесной канцелярии не наливают?

– Не ёрничай. Тебе это не идёт... Мы погибнем от эпидемии другого рода. Это особо опасная эпидемия... Вот чем надо было заниматься. Ты же ведь умный парень. Ты должен понять...

Я его не понимал.

– Ты не настолько умён, – вздохнул Игорь Иванович. – Я, пожалуй, больше не приду. Но ты всё-таки подумай над моей догадкой. Ведь самые важные вещи сформулировать невозможно. Да, я думаю, и ни к чему. Формулировки только вульгаризируют. А вульгаризаторов у нас было миллион.

Мне стало жаль старика, разочаровавшегося в смысле своего труда. И я сказал: «Не расстраивайтесь. Просто я не люблю, когда всё слишком лежит на поверхности. И мы склонны винить во всём именно поверхность. Это ведь глупо. Правда?»

– А что умно, молодой человек? Следовать банальностям, которые становятся зловещими? Это легче лёгкого. И опасней опасного. Впрочем, никому ничего не навязываю... Твоя матушка была замечательной. Ты явно не в неё... Может быть, если бы я довёз тебе тогда попугая, ты был бы иным? Я даже в этом не сомневаюсь... Но история не имеет сослагательного наклонения.

И здесь я его понял.

5.01.2025